ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1:316.312.

В.И.Красиков

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ КОНЦА XX ВЕКА И ГЕНЕЗИС ГЛОБАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА

Прошло чуть более двух десятилетий после краха великого идеологического противостояния XX в., а ностальгирующее разочарование Ф. Фукуямы по поводу "конца истории" сильных страстей, борьбы и политического романтизма представляется уже очередным смешным саморазоблачительным интеллектуалистским шаржем. История не окончилась, но, кажется, вступила в новую качественную эпоху, общие черты которой еще теряются в тумане неизвестности будущего, но некоторые выпуклые детали уже доступны, так сказать "на ощупь". Итак, что же происходит?[1]

Знаменательно совпадение: в 80 гг. XX столетия начинается качественно новый этап в развитии мирового хозяйства, характеризующийся прорывом фундаментальной науки в потребительскую экономику и заканчивается эпоха идеологических общностей-систем, представлявших, по сути, одну систему индустриализма в двух ее вариациях (западной и ориенталистской). Еще неясно из опыта последних 20-30 лет, каким по основному своему профилю будет будущее общество: информационным, биотехнологическим или же еще каким-то другим. Уже ранее, с самого начала XX в., наука все более и более смыкалась с экономикой, "превращаясь в непосредственную производительную силу" – как говаривали марксисты. К концу же столетия это положение из общей метафоры превратилось, по сути, в эмпирическое суждение. Изменился характер самой науки,[2] выработались весьма эффективные схемы взаимодействия науки, образования и бизнеса, более того, ряд обществ, особенно западного мира, в лице своих властвующих элит, активно и целенаправленно управляет своими интеллектуальными ресурсами, превращая вообще науку в "стратегическую государственную магистраль".[3] Похоже, что системообразующим началом новой мировой системы будет чистая, т.е. фундаментальная наука, как ранее, в индустриализме, подобной основой была экономика вкупе с прикладной наукой. Кто владеет новыми технологиями в военно-космической, генетико-биологической и коммуникационной сферах, тот владеет миром. Собственно индустрия и даже капиталы имеют уже более консервативно-стабильный, рутинный характер, т.к. настоящая, сумасшедшая и быстрая прибыль[4] создается как следствие временной монополии в наукоемких областях экономики – типа Microsoft или мобильной связи, здесь же создаются новые стратегические заделы власти.

Качественно новое объединение, "система" уже в рамках планеты, формирующееся на наших глазах, стала возможной как благодаря "третьей неолитической революции" – на сей раз в сфере коммуникации и информации, так и "концу идеологии". Под руинами СССР оказались погребенными не только коммунизм, но и либеральная идеология. Разумеется, либерализм продолжает еще оставаться официальной доктриной Запада, принявшим чуть ли не характер традиционных верований, а коммунистические партии имеют еще свой небольшой верный электорат. Но безвозвратно ушла страсть, вместе с молодостью, пафосом и силой чувств взаимной ненависти – вероятно, это-то и называется "харизматичностью" или, же зарядом веры, обаяния и привлекательности. И хотя остаются еще страстно верующие в эти идеологемы политики, типа Виктора Анпилова или Валерии Новодворской, но их страсть, увы и ах, уже не столь "заразна", это уже более политические маргиналы и комичные персонажи. Конечно, всегда найдется несколько десятков преданных фанатичных старушек либо интеллектуалок - "синих чулков", однако новое, всегда идеалистическое, поколение – основная боевая сила любых идеологий,[5] равнодушно внимает к уже не убедительным призывам и кумирам, отдающих нафталином. Никто уже не хочет жить для их воплощения – попробовали, больше уволь-

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 07-06-00067-а

[2] Глубокая дифференциация и междисциплинарное взаимодействие создают очень гибкую лабильную систему взаимосвязанных и применимых знаний.

[3] Гигантские капиталовложения, "откачка" мозгов из Старого Света в Новый.

[4] "Настоящая", капиталистическая, как во времена первоначального накопления.

[5] И показатель их "свежести" – зазывной привлекательности.

те – хватит. Можно сказать, что классические идеологии утратили свою романтическую, утопическую составляющую. Либерализм, как и "остаточный коммунизм"[1] десакрализовались, "секуляризовались", превратившись в прозаическую обыденность, стали одним из традиционных элементов повседневности, естественным верованием – как католицизм или же православие.

Оставшаяся в одиночестве супердержава и западноевропейские страны, объединенные своей "рациональной гражданской верой" (либерализмом) и военно-политическим союзом, в лице своих властвующих элит, стремятся создать "мировое государство", разумеется под своим контролем. Еще в 90-х гг. прошлого века это казалось относительно простой задачей в условиях устранения главного супостата – "суперпартизана" в лице коммунистов и вообще левых как активного игрока мировой политической арены. Реально глобальным мир стал после первой мировой войны, вернее именно в ходе трех мировых войн: двух "горячих" и одной "холодной". Запад всегда был сильнее Советов, всегда, по сути, контролировал мировую экономику, определял приоритеты в планетарном развитии и выполнял реально функцию "мирового государства". Просто "партизаны" в лице советского блока имели свои контролируемые территории, как по сей день десятилетиями существуют партизаны с их "республиками" в джунглях Латинской Америки или Африки, где роль непроходимых естественных преград (джунглей) играли неосвоенные российские просторы, сибирская глухомань, железный занавес, Берлинская стена и т.п. Как раньше восставшие крестьяне могли просуществовать также несколько десятилетий в режиме квазигосударства выстроенной своей "социальной справедливости",[2] неизбежно затем вновь сраставшиеся с господствующей в то время социально-исторической "системой", так и Советский Союз был подобным же, по сути консервативным, революционным отклонением от магистрали.[3] Можно дискутировать о том, пошел ли бы мир не по пути Запада, а, к примеру, Востока. Думаем, вполне мог бы. "Кости" мирового развития легли, однако, так, что Западная Европа приобрела в свое время преимущество и все пошло так, как оно пошло, что вовсе не гарантирует удержание Западом своих позиций в дальнейшем.

Я имею в виду, что "государство", как и "система" на "исторической арене" могут быть только одни. Конечно, и сейчас мы сможем найти на планете практически все существовавшие хозяйственные и политические уклады, вплоть до первобытного, однако развитие человечества в целом определяют события, происходящие в каком-либо ключевом месте (историческая арена) и усилиями определенных ("исторических" в это время) народов.

Определение "арены" и "народов" – занятие в основном ретроспективное, увы, мы обладаем небольшими прогностическими возможностями в силу отсутствия исторических законов как таковых (наподобие природных). Так или иначе, "два лагеря" прежних 70 лет XX в. – это скорее иллюзия. Уже в первой половине XX в. сложилось, по сути, еще аморфное, неустойчивое, но "мировое государство" Запада[4] и "партизан" в лице сначала СССР, а потом советского блока. Неконтролируемые "мировым государством" территории долгое время (70 лет!) жили своей бедной, но веселой жизнью, их культурная неустроенность, буквальная труднопроходимость делали их малопривлекательными для осваивания, а существование атомных, потом водородных бомб еще и опасными.

Ситуация, однако, постепенно выправлялась – большевики провели жесткую, лагерную, но быструю и эффективную модернизацию, зависть и пример "трудящимся народам Востока", существенно окультурили и построили первичную инфраструктуру Сибири. К тому времени, однако, ушло то знаменитое, сильное своим аскетическим идеализмом, первое поколение революционных романтиков, чуть было действительно не устроившим "мировую революцию"[5] – частью в ходе

---

[1] Коммунизм продолжает оставаться государственной идеологией Китая, Вьетнама, Кубы. Но либералы почему-то не боятся "красного Китая," а видят угрозы просто в Китае. Там эта идеология окончилась реально, как и в СССР, с уходом первого революционного поколения Сталина-Мао. В Китае коммунизм сейчас более версия конфуцианства, написанная при помощи марксистского словаря.

[2] В X –XI вв. в Бахрейне карматы создали свое государство на основе восстановления общинной собственности на землю и всеобщего равенства, правда для правоверных (исмаилитов), и с … рабами. Спустя века тайпины создали на десятилетие "Небесное государство великого благоденствия" (Тайпин тянь-го) в долине Янцзы с центром в Нанкине (1853).

[3] Консервативным – потому, что марксистская доктрина альтернативной модернизации была коллективистским ответом либеральному, индивидуалистическому, более социально-хищническому пути перехода к индустриальному обществу. Потому-то марксизм с его иудаистской, холистской подоплекой стал более приемлемым вариантом модернизации для коллективистского, общинного Востока – после соответствующей его ориентализации Лениным и практикой "строительства социализма" в СССР.

[4] Имевшее и первые зародышевые наднациональные формы "Лиги наций", потом ООН.

[5] О чем прозорливо писал Маркс – лишь револю-

имманентных для любой революции самопожирающих "чисток", частью в результате "естественной убыли" поколений. И "партизаны" начали потихоньку "обуржуазиваться", дрейфовать к слиянию (конвергенции) с "корневым государством" текущего времени. Лишь значительные события внутри "большой системы" или Запада – глубинные гендерные сдвиги[1] дали второе дыхание свежего революционного энтузиазма коммунистической идеологии, в чьи эмансипационные одежды оделись новые радикалы, по причине молодости своих движений, за неимением своих подходящих мировоззренческих одежек. Вновь наполнил обвисшие было паруса "красного партизана" и свежий ветер обновления-модернизации с Востока (Китай, страны "третьего мира"). Потому коммунизм продержался на плаву еще треть века – до тех пор, пока не был исчерпан ресурс новых революционных рекрутов.

К тому времени стали очевидными внутренние социальные трансформации в СССР – назад, в материнскую "систему" – "партизаны" хотели жить "как все люди". Видимо не обошлось, разумеется, без "предателей", "засланцев", "агентов влияния", однако основная причина краха "партизан" не в том. "Партизан" – по определению радикал и ведомый участник внутрисистемного, довольно заметим ожесточенного, взаимодействия с "государством". У него неизмеримо меньше ресурсов и "партизанское население" просто устает от бесконечного революционного энтузиазма и хочет просто человеческой жизни. Единственный шанс "партизана" в столкновении с "государством", которое ведь тоже может делать ошибки и вырабатывать свой ресурс эффективности, – добиться его разрушения и самому стать "государством", не только на своей "партизанской" территории, но в масштабах "исторической арены". Это сделало в свое время "третье сословие", отчасти сделали и большевики, захватив "слабое звено в цепи империализма", государственную власть в России, однако надо было продолжать, чего, как известно они и хотели.[2]

Однако и такой "партизан" доставлял много хлопот "мировому государству" и с чувством большого облегчения, исторической эйфории западных элит, Буш-старший объявил в конце 1991 года о победе Запада в холодной войне. Первое время, практически все 90-е годы, многие готовы были поверить Фукуяме, т.к. казалось, что либерализму нет, и не может быть в принципе не то чтобы достойного, но даже сколь-нибудь заметного противника. Не считать же, право, таковыми вечные осколки прошлого – националистов, сепаратистов всех мастей или же экзотов из сексуальных меньшинств. По определению у них отсутствовала универсальная идея, вдохновляющая радикалов на протест. Не убедительным впоследствии оказался идеологический винегрет антиглобалистов, вынужденная консолидация разношерстных радикалов (сепаратистов, экологов, левых, правых, меньшинств и пр.) – плюрализм вреден для боевитой идеологии.

Однако представление о невозможности нового "партизана", серьезного соперника "мирового государства" оказалось ошибочным из-за нашей привычки "ближнего обзора". Мы всегда меряем наш обозримый опыт – как ретроспективу, так и предстоящего будущего – в категориях нашей нынешней парадигмы, свысока обозревая заблуждающееся прошлое. Раз в "век идеологий" нет жизнеспособной, произрастаемой на почве доминирующей культуры, контридеологии ("утопии" по терминологии Манхейма), значит, действительно, грядет завершение истории. Последняя, как известно, не кончится просто потому, что всякое новое поколение начинает в сфере политических действий и миропонимания как бы с нуля – они хотят, вновь и вновь, с новыми силами, жаром и пылом, разыгрывать старые как мир властные игры. Поэтому если есть "система" с "государством", господствующей властью, непременно появятся радикальные элементы, "партизаны", которые даже не то что "придумают", они своим нонконформистским духом, протестом, революционной волей, вдохнут новую жизнь в какую угодно замшелую старую идеологию. Вместо джихадистского ислама могла бы быть и любая другая: фундаменталистская или радикалистская – религия или же светская идеология. Главное, чтобы нашлись молодые интеллектуалы-идеалисты. Не невежественные арабы Магриба или мужиковатые дикие талибы, а умные, утонченные, образованные молодые люди с серьезными мировоззренческими запросами.

Религиозно-сектантские движения бывали и ранее, как в исламе, так и в других массовых религиях, типа христианства, индуизма или буддизма. Ереси могли быть основой "партизанского" движения в религиозную эпоху, когда они выступали главным оппозиционным внутрисистемным элементом против "религиозного государства" (папства, суннитских халифов, московского пат-

---

ция на мировой арене, против "буржуазии развитых стран капитализма" или же системного "мирового государства" смогло бы действительно радикально поменять правила игры человеческого развития. А так все окончилось очень большим, более чем на 1/6 земной суши, но все же не более чем "партизанским районом", который так же копировал, по сути, порядки метрополии "мирового государства", амбициозно, но безуспешно, пытаясь "догнать и перегнать".

[1] "Молодежная революция", феминизм, сексуальные меньшинства. – симптомы радикальных сдвигов в человеческой ситуации вообще, предвестники антропологической революции.

[2] Отсюда все эти Коммунистические Интернационалы и постоянные провокации.

риарха и т.п.) В эпоху национальных государств они, как правило, соединялись с другим осколком еще более ранней эпохи – этническим национализмом, представая в виде культурологического оформления их сепаратистских целей (католицизм в Северной Ирландии, иудаизм сионистов и пр.). Конечно, есть и нерелигиозный сепаратизм, являющийся остатком "партизанства" времен становления национальных государств – переходного периода от религиозной эпохи к эпохе национальных государств.[1] Из наиболее известных, т.е. отметившихся своей террористической деятельностью, это баски, тамилы, светские палестинцы и др. В подобном формате ни сепаратисты, ни религиозные фундаменталисты не представляли и не могут представлять существенной опасности для "мирового государства".

Современный "партизан", исламский фундаментализм или джихадизм, который появился и вырос на наших глазах, породили, как водится, и сама трансформирующаяся объективная социальная действительность последних двух десятилетий ушедшего века (противостояние "мирового государства" и "красного партизана"), и субъективный фактор идеологических и организационных талантов религиозных харизматиков во главе с небезызвестным Усамой Бен-Ладеном.

Полагаю, можно назвать два объективных фактора в трансформации социокультурных и социополитических реалий "мирового государства" последней трети XX века, которые привели к появлению "зеленого партизана" джихадизма в его бен-ладенской версии. Во-первых, в глобализующемся сообществе (Запад и его саттелиты) последней трети XX века резко возросли миграционные потоки из стран Азии, Африки, Латинской Америки, и, в том числе, из мусульманских стран. Старые индустриальные нации постепенно депопулязуются – вследствие столетиями господствующего гедонистического индивидуализма – просто некому было заниматься низко квалифицированным трудом. В итоге десятилетий поощряемой миграции в ведущих европейских странах (в основном бывших метрополиях) появились многочисленные исламские общины, изначально бывшие, особенно для эмигрантов первого поколения, маргинальной и протестной средой. Они, однако, долгое время не были источниками проблем – пока не подросло второе, уже выросшее на "чужбине-родине", поколение. Именно они в полной мере испытывают ситуацию "своего среди чужих и чужого среди своих". По языку и социализации, т.е. умении жить в социальной среде – они уже европейцы, несколько свысока взирающие на своих более забитых и невежественных родителей, по инкультурации – культуре и религии, т.е. по духу воспитания и менталитету – они представители традиционного общества в недружелюбной, скрыто расистской среде.

Проблемы с самоидентификацией и солидарностью актуальны вот уже несколько столетий даже для автохоннов индустриальной, атомизированной культуры – что же тогда говорить о молодых арабах, афганцах, турках или же индонезийцах? Те из них, кто пошел по стопам родителей, так и не получив хорошего образования, с недавнего времени устраивают погромы и волнения в пригородах крупных европейских городов и мечтают быть бойцами джихада. Однако есть и молодые интеллектуалы, которые создают новую исламскую культуру – не имея намерения возвращаться на свою родную по родителям землю – в цитадели другой культуры и веры. Они часть и этого, и того, утопического, мирового исламского государства. Установлено,[2] что костяк руководства "Аль-Каиды" – молодые люди от 26 до 28 лет, около половины из них – врачи, юристы, учителя, треть – профессионалы средней квалификации, 2/3 – выходцы из зажиточных семей. Эти молодые исламские интеллектуалы и являются "профессиональными революционерами", душой и мозгом" *глобального*[3] оппозиционного движения, нового "партизана" – реального оппонента современного "мирового государства".

Второй объективный фактор – поражение "красного партизана", дискредитация универсальной идеи коммунизма, противостоящей универсальной же, но "государственной" идее либерализма. Конечно, крах СССР означал уничтожение

[1] Конечно, можно применить наш анализ и к сугубо локальным "национальным" системам, где также есть и свое "государство" и "партизаны". "Партизанами" здесь сначала были сепаратисты конца средневековья и первых периодов развития национальной капиталистической экономики, перешедшие потом на положение политических маргиналов. Затем это социальные революционеры. Все же макроподход, оперирующий понятиями "историческая арена" и его "мировое государство" с соответствующим протагонистом позволяет не увязать в локально-исторических особенностях Востока, других периферий, которые, в конце концов, глобализуются, т.е. объединяются, добровольно или же, по большей части насильственно, прежде всего, *вокруг* конкретной в данное время "исторической арены" и *вслед* за событиями, происходящими на ней.

[2] Хохлов И.И. Глобальный джихад Салафи: международная террористическая сеть Аль-Каида http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/index.htm

[3] В этническом отношении исламистское движение "Глобальный джихад Салафи" является многонациональной организацией, в которой 60% составляют жители арабских стран, преимущественно Саудовской Аравии и Египта, 30% численного состава – жители Магриба (Марокко, Алжир и Тунис) и коло 10% - индонезийцы.

ее, идеи коммунизма, материальных основ в виде социальных институтов и ресурсов, однако гораздо тяжелее было мировоззренческое поражение – либерализм оказался прав относительно собственнической и филистерской природы массового человека, к альтруизму и романтике склонна небольшая часть людей, которых явно не хватит для построения коммунизма. Конечно, и в реалиях советской жизни, идея коммунизма во многом была выхолощена "буржуазностью" номенклатуры и искусом "материалистических аргументов" западной потребительской культуры, однако она еще достаточно успешно поддерживалась вовне СССР – в виде универсальной альтернативы и символа объединения антикапиталистических и революционных сил во всем мире. Только в вакууме оппозиционных универсалистских идей могла успешно возродиться идея "всемирного исламского государства". Другие идеи, помимо явно партикуляристских (национализм, расизм), были дискредитированы прежним сотрудничеством с "левой альтернативой".

Ирония судьбы, но то главное оружие – агрессивный гедонизм массовой культуры: "живи, здесь и сейчас", при помощи которого "либеральное мировое государство" растлило изнутри вынужденно аскетичных "красных партизан", повергло наземь "частности и заблуждений" коммунистическую идею, и было духовно завоевало весь мир, – спровоцировало яростную самозащитную культурно-цивилизационную реакцию в виде идеи "джихада". Древняя ненависть и острая зависть нищих невежественных кочевников к сладкой роскоши и тлетворной вседозволенности городской жизни вновь возродилось в стремлении огненного очищения земли от блуда и скверны уже "мирового Вавилона" – западной цивилизации.

Субъективным фактором, обеспечившим успех, мощь и пока что почти неуязвимость международным джихадистским организациям, ассоциирующимися, прежде всего, с "Аль-Каидой", стала политика причудливого соединения интернационализма, исламского ойкуменизма с землячеством, родством и дружбой. Что всегда разъединяло любую универсалистскую успешную религию, в том числе и ислам, так это сектантство и межэтнические распри – два аспекта одного явления, сопутствующего чересчур разросшемуся целому. Однако времена расцвета и разделения прошли, задачи выживания разделенного и теряющего свою религиозно-культурную самобытность ислама перед лицом торжествующей "вавилонской блудницы" западной гедонистической культуры (за которой крадется и политический либерализм) обеспечили успех идее джихада против Запада как основы нового исламского объединения – по крайней мере, наиболее радикальных и решительных представителей разных направлений и ответвлений.

Вместе с тем, использование традиционных этнических связей в современной космополитичной среде западных мегаполисов дало неожиданный эффект прочности и непроницаемости (для шпионов, провокаторов) конспиративных боевых организаций "Аль-Каиды", на основе режима "осажденных крепостей" исламских субкультур, этнических гетто в Европе и Америке.[1]

Другой важный субъективный консолидирующий фактор – в 2/3 случаев ключевую роль в принятии решения о вступлении в террористическую организацию здесь играют дружеские и родственные связи между террористами, а не идеология. Эксперты сходятся в том, что не более 10% членов международных джихадистских организаций принимают участие в террористической деятельности исключительно из своих исламистских убеждений.

Подобное соединение достаточно необычно. Действительно, для "партизан" – этнических общин традиционных обществ была характерна тесная кровнородственная сплоченность и отсутствие универсальной идеи, потому они всегда были в глазах космополитического "государства" скорее этносами-изгоями. "Голая идея", будь то религиозного (крестовые походы, джихад арабских завоеваний), либо социального (мировая революция, интернациональный долг) универсализма объединяет лишь на короткое романтическое время "бури и натиска", а в дальнейшем "ветхозаветный Адам" (родственные, этнические, эгоистические интересы) берет свое. Здесь же удалось соединить родственные, этнические и дружеские связи с религией и политикой. Потому, вероятно, Давид и может пока противостоять Голиафу.

Существенным недостатком исламистской идеи как идеологической основы противостояния "мировому государству" является все же ее первородный религиозный партикуляризм – ну не записываться же, в самом деле, всем радикалам и оппозиционерам в мусульмане. Исламистское противостояние потому не сможет иметь столь же внутрисистемное универсальное значение как идея социальной революции.

Но что же может придти на смену? Трудно пока сказать нечто определенное, но некая универсалистская идея, типа какого-либо нового фундаментализма – будь то в антиглобалистской или же религиозно-синкретической "упаковке". Ясно лишь одно – как всегда будут существовать властные отношения в социуме, так всегда будут поляризации в виде того или иного типа "государства", его господствующей идеологии, и "партизана", радикально оппозиционного "государству" центра с соответствующей

[1] Индонезийская ячейка, ячейка магрибских арабов в Монреале, организация Омара в Лондоне.

нонконформистской идеологией и взаимным терроризмом в периоды обострения системно-хронической конфронтации. Можно, вероятно, сознавая эти реалии и не поддаваясь на очередные утопические приманки той или иной "счастливой гомогенизации" общества, лишь смягчать и гуманизировать противостояния, не допуская наступления периодических фаз эскалации насилия в виде терроризма: государственного и партизанского. Разумное поощрение культурной, идеологической и религиозной диверсификации общества, терпимость, понимание других, отказ от монополий и привилегий "коренного этноса", "титульной нации", "традиционных религий", "доминирующих ценностей" и пр. – позволят "конструировать" ту взаимоприемлемую конвенциальную структуризацию социума в виде взаимных этнокультурных, идеологических сдержек и противовесов, которая сама сможет отформатировать свои властные отношения в не поляризованном виде.

Автор статьи:
Красиков
Владимир Иванович
- докт. филос. наук, проф. каф. философии Кемеровского госуниверситета. . E-mail: krasikov@kemcity.ru

УДК 174. 4

О.И. Калинина

ЭТИКА РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Конфликты занимают значительное место в нашей повседневной жизни. Они возникают практически во всех сферах человеческой деятельности. Согласно американскому исследователю Т. Петерсу, «… проблема человека - это, в конечном счёте, исследование конфликтов и парадоксов». Современный интерес к проблематике конфликта достаточно велик. Однако общепринятой теории конфликтов, объясняющих их природу, влияние на развитие коллективов, общества нет, хотя имеются многочисленные исследования по вопросам возникновения, функционирования конфликтов, управления ими. Ведущее место в функциональном подходе заняла разрушительная, деструктивная функция конфликта. Самыми распространёнными являются попытки сведения конфликта к проявлениям противоборства ущемлённых в своих намерениях и интересах и поэтому испытывающих чувство неудовлетворённости и раздражения субъектов. Такое устойчивое, одностороннее представление, согласно Б. Хасан, обусловлено явлением конфликтобоязни, имеющей свои глубокие корни в жизни практически каждого человека.

Задачей данной статьи является рассмотрение функциональных описаний конфликта и обозначение позитивной функции конфликта с точки зрения конструктивного подхода.

В некоторых исследованиях «духовным» отцом теории конфликтов считается Гераклит, встречаются ссылки на Сократа и Платона. Достаточно часты обращения к Гегелю, к его учению о противоречиях и борьбе противоположностей [6, с. 255].

Впервые попытка рассмотреть конфликт как системное и необходимое явление культуры в целом предпринята Георгом Зиммелем: «Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух в свою очередь, поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры. Скрытый смысл упомянутой эволюции заключается в том, что жизненная стихия, беспокойная в своём вечном движении, ведёт постоянную борьбу с продуктами собственной деятельности… Но так как её внешнее бытие может осуществляться лишь в определённых формах, то весь этот процесс представляется нашему сознанию как процесс зримого вытеснения старых форм новыми. Непрерывная изменчивость содержания отдельных культурных явлений и даже даже целых культурных стилей есть осязаемый результат бесконечной плодовитости жизни, но и одновременно и манифестация того противоречия, в каком неизменно находятся вечное становление с объективной значимостью и самоутверждением форм. Жизнь движется от смерти к бытию и от бытия к смерти».

Следующий шаг – это работы З. Фрейда и его школы. Психоаналитический конфликт – это противоположность противоречивых требований внутри субъекта. Конфликт может быть явным или же скрытым. Психоанализ считает конфликт основой человеческого существа.

Дальнейшие подходы рассматривали понятие межличностного, межгруппового конфликта как социального феномена [2, с.56]. Социальный